

Большой творческий путь прошла Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, и путь этот исключительно счастлив. Даже когда ее постигали неудачи — в конце концов это выходило к лучшему. Так, молодой девушкой она решила поступить в театральное училище. Это тогда было венцом ее желания. Она блестяще выдержала экзамен, сразу была принята, начала заниматься — и вдруг выяснилось, что ее вакансию необходимо передать кому-то имеющему больше прав, и ее исключили. Именно это привело к тому, что она поступила в драматическую школу при филармонии по классу В. И. Немировича-Данченко. На всю жизнь остался у нее в памяти первый разговор с Владимиром Ивановичем. Он спросил:

— Подумали ли вы о том, что делаете? Ведь если у вас есть семья, муж, дети — театр все съест без остатка.

Книппер не испугалась...

В. И. Немирович быстро оценил талантливую ученицу, понял ее дарование. С моментом окончания этой драматической школы совпало зарождение Художественного театра, и когда этот театр из мечты стал действительностью, Книппер сразу была принята в его труппу. Этим определилась вся ее судьба. Дебют ее в пьесе А. Толстого «Царь Федор» в роли царицы Ирины был блестящим. Москва сразу заинтересовалась молодой артисткой. В этой роли впервые ее увидел А. П. Чехов, и она понравилась ему больше всех других исполнителей: он нашел ее «необыкновенной».

После иконописной Ирины в первые же годы существования театра она сыграла Аркадину в «Чайке» Чехова, очень верно передавая характер Аркадиной — стареющей «каботинки», в чем-то доброй и искренней, в чем-то лживой и вульгарной... Было замечательно, как эта совсем молодая девушка

К 75-летию со дня рождения О. Л. Книппер-Чеховой.

играла стареющую — не «старую», что гораздо легче, а именно стареющую женщину.

Одной из лучших ролей Книппер была Настя в спектакле «На дне». Ее Настя была именно такой, как хотел Горький, без бантиков, без румян — совсем нищий человек, у которого ничего нет, все пропито, прожито и только на дне души прячется луч мечты о «Гастше».

Первые роли Ольги Леонардовны Книппер и сейчас ярко встают в памяти. Вот «Одинокое» Гаудтмана. Весь строгий и четкий образ, данный Книппер в роли Анны Мар, ее умные глаза, ее мужество в борьбе с жизнью, кроме того, ее чудесное пение невольно привлекали к ней, и ее уход из чужого гнезда в одиночество, в благородный труд производил большое впечатление.

А рядом с такой ролью — Терезита в «Драме жизни» Гамсуна. Это «ирреальное», как его называл Станиславский, произведение он поставил в символических тонах, на фоне необычных декораций и освещения. И на этом фоне Книппер — Терезита напоминала странное пламя. Вся она горела, ее завороченность своей страстью воплощена была с необычайной силой.

Можно ли найти больший контраст к этой роли, чем Наталия Петровна в пьесе Тургенева «Месяц в деревне»? Книппер в этом спектакле казалась сошедшей со старинного портрета в овальной раме — словно целые поколения бабушек и прабабушек стояли за ней и придавали особенную старомодную грацию ее движениям, ее наклону головы. Почти без жестов, скупыми приемами, пледя Книппер тонкие кружева своей роли. От Книппер веяло аро-

матом лип старого дедовского парка, поэзией русских полей.

Размеры очерка не позволяют останавливаться на всех ее ролях. Но среди них есть много таких, которые стояли бы отдельного очерка. Например, Ребекка Вест в «Росмерсхольме» Ибсена, с которой Книппер, как она говорила, долго боролась: «ведь обычно у нас в голове пятьдесят мыслей пробежит, пока мы одно слово скажем — а здесь на каждую мысль — слова, слова, слова — очень трудно». Труднее всегда для Книппер слова, чем молчание, и молчание Книппер всегда значительно и красноречиво... Много еще ролей: «У жизни в лапах» — фру Гиле, «Ревизор» — Анна Андреевна, «На дне» — Василиса, «Снегурочка» — Лель, «Гамлет» — королева, самые разнообразные, контрастные роли, и все они сыграны с огромной реалистической убедительностью и мастерством.

Около пятидесяти лет Ольга Леонардовна отдала Художественному театру, и ее деятельность получила полное признание и страны и общества. Она — народная артистка СССР и награждена орденом Ленина. В 1942 году она получила Сталинскую премию за выдающиеся достижения в области искусства. На днях она получила еще почетную награду — орден Трудового Красного Знамени. Высоко ценя эти награды и отличия, она продолжает работать как только ей позволяет здоровье. Ее последние роли у всех в памяти: Марья Александровна в «Дядюшкином сне», Полина в «Врагах» Горького, г-жа Пернель в «Тартюфе» Мольера, Хлестова в «Горе от ума», и тут всегда своеобразный подход к роли и великолепный реализм исполнения.

Но если бы Книппер за всю свою деятельность сыграла только те пять ролей, которые она играла в чеховских пьесах, этого было бы довольно, чтобы признать ее талант

Долго потом — как фраза реквиема — звучали в ушах строки, сказанные ее глубоким, низким голосом:

Пыветь повторяется каждую весну — А радости — нет?

Поскольку для Книппер было в жизни главным ее искусство, приходится повторить, что ее жизнь была на редкость светлой. С молодых лет ей не пришлось бороться за признание. Любовь зрителей, уважение товарищей, много интересных ролей — о чем еще можно было бы мечтать артистке!

Однако в этой прекрасной долгой жизни были три года, полные волнений и тревоги. Но именно эти три года Ольга Леонардовна не только не согласилась бы вычеркнуть из жизни, — она считает их самыми важными и дорогими ей. Это годы, проведенные с Чеховым.

По состоянию здоровья Чехов должен был жить на юге, в Ялте. Но свою жену он не мыслил вне Москвы, вне Художественного театра. Он сам не представлял себе существования без работы, без определенной цели и не хотел отрывать ее от любимого дела. А она мучилась тем, что не могла все бросить и уехать к нему. После коротких встреч — лихорадочная переписка, тоска разлуки и, наконец, те страшные минуты в Баденвейлере, когда сердце Чехова перестало биться, и только билась и металась залетевшая в комнату на огонь большая черная ночная бабочка... Все это пришлось ей пережить. После его смерти она почувствовала, что все для нее — в Художественном театре. И с тех пор театр стал ее домом. Жизнь Книппер и жизнь МХАТ стали неразделимы.

С Чеховым Ольгу Леонардовну продолжают соединять неразрывные нити: она всю жизнь продолжала играть его пьесы, постоянно читает в концертах его рассказы, заботится о создании музея его имени. Чехов и Книппер-Чехова — автор и актриса — останутся навсегда неразлучны в истории театра: этот союз вечен и прекрасен.